
Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит,
статья и коммент. А. С. Курилова. - М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям
русской словесности").

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Примеч. Три следующие разбора написаны были еще для первого тома
"Моск<овского> сборника" {1} след<овательно> почти уже год тому назад.
Относительно выхода книг, в них разобранных, они и тогда уже были не совсем
современны; теперь и подавно. Но для нас эти критические статьи имеют
важность не по достоинству и современности произведений в них разбираемых, а
по мыслям, в них высказанным по поводу этих произведений. Всякий согласится,
что можно сказать много вздорного, разбирая стихотворения Пушкина, и много
дельного по случаю какой-нибудь поэмы г-на Майкова; и хотя бы сами
произведения была уже давно забыты, но мысли, по поводу их высказанные -
если она истинны и заключают а себе общий интерес - будут всегда современны.
Москва никогда не гонялась за современностью внешнею и случайною. Мы почли
однако ж нужным этими немногими словами оправдать помещение следующих
критических статей, и, предупредив суждение читателей, обратить их внимание
не на внешний их повод, а на внутреннее содержание.

Ред.

1. Вчера и сегодня.
Литературный сборник.
составленный гр. В. А. Соллогубом,
изданный А. Смирдиным.
Книга первая. Санкт-Петербург, 1845

В сборнике, как в голосе не одного человека, а нескольких, находится
более или менее общее направление, общий голос; это хор, и потому, хотя один
голос иногда и более заключает в себе существенного, но так как хор есть
всегда выражение, по крайней мере, количественной стороны общества, хотя бы
при отсутствии качественного значения, то он интересен и заслуживает
внимания и разбора. Издатель сборника "Вчера и сегодня" гр. В. А. Соллогуб,
имя известное в нашей литературе; тем интереснее эта книга. В ней по
обыкновеню есть проза и стихи; посмотрим сперва на прозу.

Первая прозаическая и вообще первая статья, с которой начинается
сборник, это повесть князя Одоевского {2} "Сиротинка". В изумлении, более
нежели в изумлении, были мы, прочитавши ее. Это повесть, в которой
выводится, хотя слегка, народ. Сцена повести - деревня. Всегда с невольным,
горьким чувством и с негодованием читаем мы такие повести, где изображается
(будто бы изображается) наш народ; невыносимо тяжело и больно, когда
какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно от него
оторванный, лицо отвлеченное, как все, что оторвано от народа, когда такой
писатель, полный чувства своего мнимого превосходства, вдруг заговорит
снисходительно о народе, могущественном хранителе жизненной великой тайны,
во всей силе своей самобытности предстоящем пред нами, легко и весело с ним
расставшимися. Писатель не трудится над тем, чтобы узнать, понять его; для
него узнавать и понимать в нем нечего; ему стоит только снизойти написать о
нем. Противно видеть, когда он, для вернейшего изображения, прибегает к
народному, будто бы оттенку речи, к народным выражениям, дошедшим до его
слуха чрез переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарад, такая милостивая
подделка, особенно когда пишут для народа, оскорбительна. В таком роде и
повесть к. Одоевского, которая теперь перед нами; но, кроме этого рода,
самая повесть не менее, если не более, заслуживает изумления. Вот в чем
дело: бедную девочку, сиротинку Настю, какая-то боярыня увозит в колымаге
в Питер. Чрез несколько лет Настя возвращается в деревню. Питерское
воспитание сделало из Насти просто чудо; она уже одета не по-русски, не
по-крестьянски. Мало того, что она необыкновенная рукодельница, она... она -
совершенство. Вот она начала мало-помалу преобразовывать всю деревню,
начиная сперва с мальчиков и девочек: она учит их всему; она говорит детям,
что красть нехорошо и что бог это увидит. Неужто же такие слова новость для
деревни; неужто же г. автор думает, что надо съездить в Пнтер, чтоб это